

К 556

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 40 КОП.

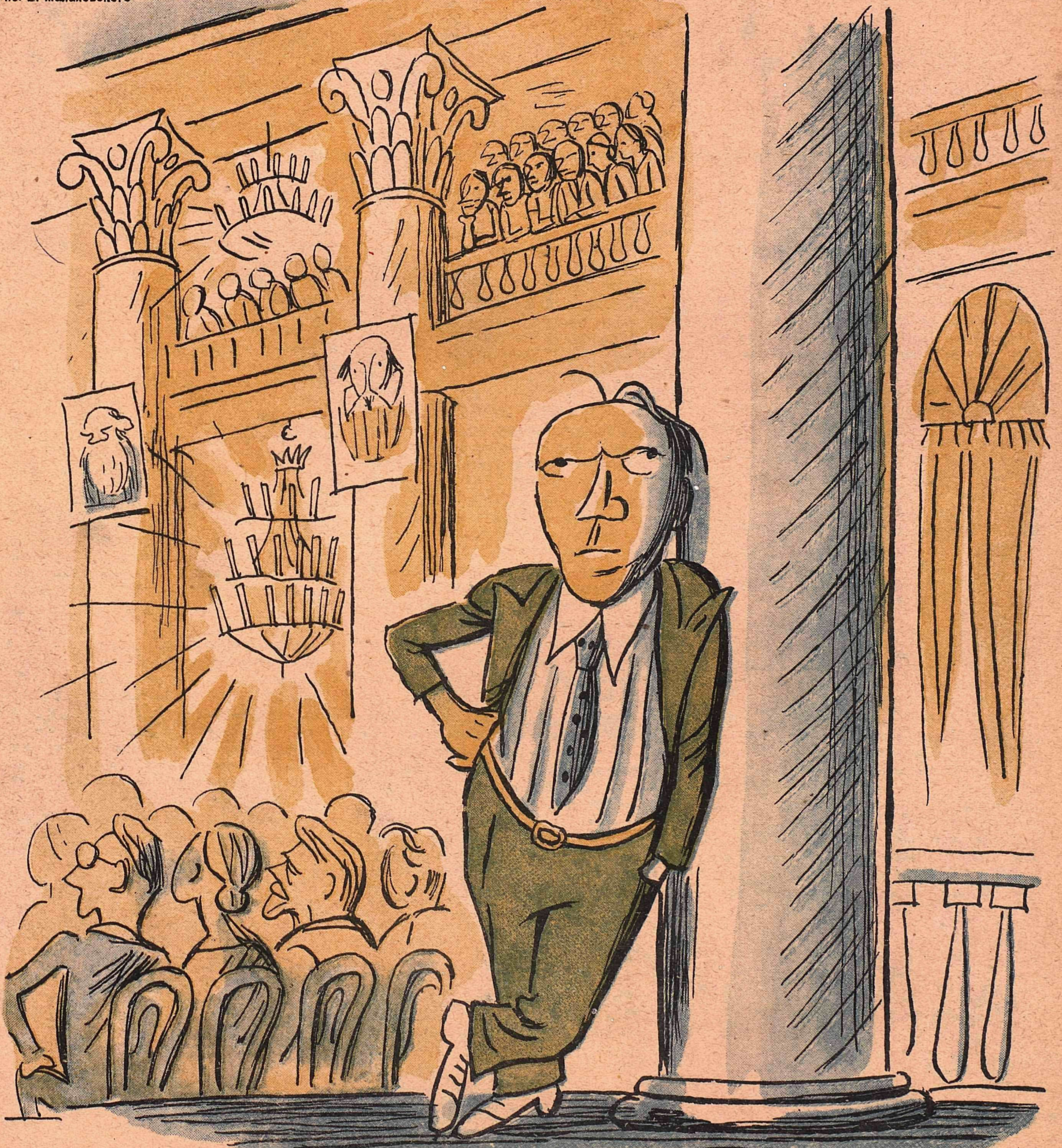
№ 23 ¹³ МОСКВА, АВГУСТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“ 1934

КРОКОДИЛ

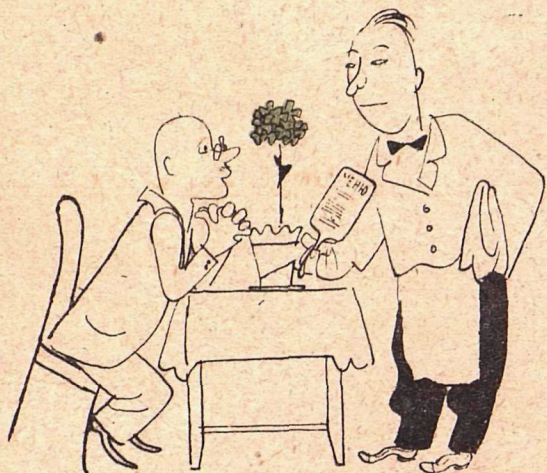
НА СЪЕЗДЕ

Рис. Б. Малаховского

— Горький сказал: наметим пять гениальных писателей... Ну, хорошо, один из них я, но откуда же возьмутся остальные четверо?

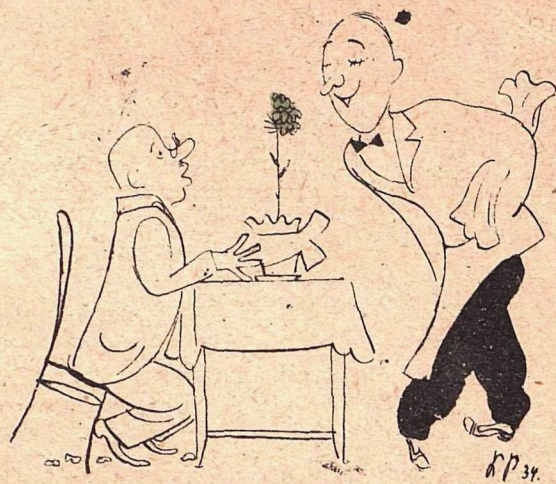
Рис. Н. Ротова

— Дайте-на карточку!..

— Значит так: бутылочку нарзана...

... сборную солянку и шницелен!

КРАСНЫЙ ЛАНДЫШ

Когда кафе «Красный ландыш» было почти уже готово, заведующий Демонюк приступил к культурному оформлению.

— Без культуры кофе и дома жрать можно, — задумчиво сказал он, — а сюда пришел — развлекайся. Я нашу публику знаю. Напьет-нажрет на полтора рубля, а развлекаться в другое место бежит. Таких выводить надо, либо просто не пускать.

Сообразно этим директивам стены кафе быстро покрылись плакатами, как для простого эстетического созерцания («Комар — твой враг»), так и для поддержания здорового оптимизма в классово засоренной среде посетителей («Мышь в дому — конец всему», «Лесные пожары — за безбдительность кара», «В здоровом ребенке — здоровый финплан»). Искусно задрапированные коленкоровыми лозунгами три громкоговорителя приютились в углах.

— Только чтобы без уравниловки, — предупредил Демонюк, — пусть каждый рупор свое произносит. А то скучно будет.

Программа и была подобрана так, что пока один громкоговоритель непринужденно рассказывал об атмосферных осадках в ЦЧО, другой по буквам докладывал вчерашние тассовские телеграммы, а третий вносил струю оживления узбекским хором под бубен и шумовое оформление.

Слева от швейцара приютился «Уголок матери и дошкольника», где дети могли играть в «Веселую алгебру», «Строй сам себе ванну» и «Проказник-текстильщик», пока взрослые пьют чай с развесным печеньем. Для них же, а также и для взрослых трудящихся был организован, немного справа, живой уголок с кроликом в клетке и скелетом мускусной крысы. При входе специальная гражданка за столиком давала посетителям бесплатные консультации о первой помощи на дому в случае угара, перелома костей, или вывихов при пере-

носке тяжестей. Бесплатная же литература о борьбе с полевыми вредителями щедро была разбросана вперемежку с шашками, привязанными к стене изящными веревочками во избежание нехороших поступков с социалистической общественностью.

— Если уж это не сплошная культура, — удовлетворенно сказал Демонюк, — какого еще им рожна надо? Сел и развлекайся, не сходя с места. Чистый Лондон.

Первые же посетители доверия не оправдали. Придавленные громкоговорителями, они спешно допивали кофе и убегали, оставляя на столах незатейливые покупки. Плакаты убивали голод и жажду. Некоторые уходили в живой уголок и допивали какао около скелета мускусной крысы. В комнате «Матери и дошкольника» сидел среди нетронутых кубиков и «Веселой алгебры» сам Демонюк и подсчитывал убытки.

Через две недели его сменили. Новый заведующий Горосов ходил в кавказской рубашке, желтых сапогах со шнурами и душил грязные носовые платки эссенцией резеды.

— Моя программа, — сказал он служащим кафе, — монолитное веселье. Провернем парижский шик через трудящихся посетителей. И за ситро можно веселиться.

Кафе действительно сразу же стало обрастать монолитным весельем. Прежнее музыкальное трио, игравшее только неизданные этюды Вагнера и попури из похоронных песен наименьшинств, резко перешло на репертуар портовых пивных, пополнившись баянистом-одиночкой и его дядей. Среди шума, поднимаемого оркестром, можно было изредка уловить монотонный голос дяди, напевавшего давно забытые игривые песенки незатейливого образца 1911 года. Остальные музыканты прыгали каблуками, поднимая пыль и лихо

вскрикивая. Дрожали стаканы. От пыли недопитое какао покрывалось коркой. И плакали дети посетителей.

Вместо плакатов на стенах появилась художественная роспись на экзотическую и нескромную тематику. Слева две голых девиды с коричневыми коленками гнали за бараньим стадом, справа — восемь малайцев пили из бочки смесь дегтя и губной краски.

В живом уголке обосновалась женская уборная с большим жбаном пудры, раскрытым одеколоном и грязными полотенцами. Из комнаты «Матери и дошкольника» швейцар бежал за коньяком для холостых посетителей. Соседняя пивная закусчала, почувствовав себя почти на положении незадачливого конкурента.

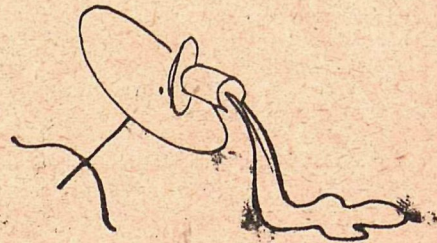
Посетителей стало еще меньше. Приходили только сплоченные группы, придерживались за столики, писали в жалобную книгу, почему нет цыганского хора, и обижались на кофе и прохладительные напитки. Посетители-одиночки робко жались по углам и, недопив чай, уходили, пугливо оглядываясь назад на оркестр, лихо вытопывавший «Любку».

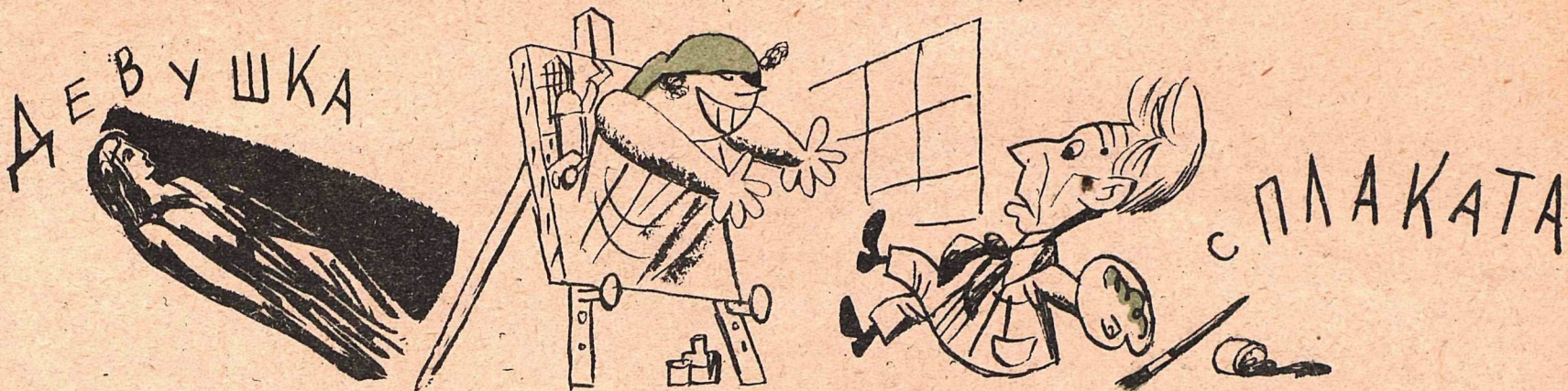
— Не понимают у нас веселья, — жаловался Горосов, — может, патефончик поставить, что ли... Или чечоточника с периферии выписать...

Через месяц убрали и его. Кафе «Красный ландыш» пустовало, как льдина. Еще через месяц его заняло домоуправление под контору. Степенный бухгалтер на месте бывшего лихого оркестра подсчитывал недоуплату за недоснабжение и вздыхал, поглядывая на пробивающуюся сквозь степгазету бывшую экзотическую роспись:

— Разве ж у нас могут быть кафе? Нужны они кому-нибудь эти кафе-шмафе! Не доросли мы еще до кафе... Нет настоящего посетителя... Это вам, извините, не Сан-Франциско...

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

Знаете ли вы миф о прекрасной Ниобе? О том, как в давние времена молодой скульптор создал в своем воображении образ прекраснейшей девушки, изваял ее статую, статуя ожила и что из этого вышло? Наверное, знаете. И не думайте, что автор напрасно напоминает вам об этой истории.

Дело в том, что...

Художник Алибабов уже девять лет рисовал плакаты. Темами он не стеснялся. Иногда это был поясной портрет вши для агитационных нужд Санпросвета, иногда под его кистью вырастал могучий хребет полевой мыши, пожирающей колосья, а зачастую и бодрая спина калеки, вылезавшего из-под трамвая, в качестве показателя неумелого жонглирования по рельсам. Но еще чаще рисовал Алибабов на плакатах советских девушек и юношей.

И странно. Его фиолетовую вошь хотелось взять домой на воспитание и делить с ней тихие досуги. Голубая мышь с алибабовских плакатов вдохновляла газетных поэтов на беспочвенную лирику вне календарных сроков, а его калеки будили бодрый и здоровый оптимизм. Но с девицами было хуже.

Вокруг Алибабова, как ответственного с'емщика и гражданина великого города, ходили хорошие девушки. Порой это были веселые блондинки с невыдуманными ресницами и голубыми глазами, порой кокетливые шатенки с губами еще невыясненной прелести, а иногда и брюнетки с явно интригующим профилем. Но Алибабов игнорировал эти беспредметные проявления голой физиологии как разгул мелко-буржуазной стихии и почти антисоветскую вылазку. Он не поддавался на эту уловку классового врага. Он шел в свою мастерскую и рисовал на плакатах девушек сложной и пугающей конструкции.

Вдохновенно и безжалостно он снабжал их скулами, напоминающими куски застывшего творога. Прекрасные девичьи глаза выходили на алибабовских плакатах в виде щелок почтового ящика в несколько уменьшенном размере. Нередко наличие ноздрей заменяло отсутствие носа на широком девичьем лице. Шея ориентировочно шла непосредственно из туловища, слегка поддерживая большие оттопыренные уши. Еще сохранившиеся советские старушки опасливо крестились на алибабовские плакаты, видя в них графическое изображение будущих мук для советской власти, дети неответственных работников подрисовывали им усы, но сам Алибабов был доволен. Были довольны и заказчики плакатов, видя в них законченный протест против западно-европейского эстетизма и веский удар по искусству отжившего прошлого.

Некоторые из алибабовских приятелей пробовали повлиять на него, но безуспешно. — Очень уж у тебя хари дикие, — задумчиво сказал ему художник Казбеков, — жить от них страшно. Точно масло вздоржало или из квартиры выгоняют. — Брось, — раз и навсегда ответил ему Алибабов, — советской девушке еще рано быть красивой. Не такое сейчас время. — А ведь попадают, — еще задумчивее напомнил Казбеков, — вот вчера, например, видел я одну нарпитовку... — Нарпит — узкое место. Я за него не отвечаю. Пора уже покончить на плакате с девушкой

как таковой. В наших рядах не может быть Веласкесов и других Рембрандтов. Я рисую, как вижу внутренним оком.

— Око, так око, — вздохнул Казбеков, — тебе виднее. Особенно еще если внутреннее.

И больше не спорил. А Алибабов уже продумывал новую девушку для наркомземевого плаката с такими невиданными в мире лбом и подбородком, которые еще ни разу не украшали советских витрин и заборов. И как человек работающий закончил плакат в тихий осенний вечер, посмотрел на него с мягким восхищением, не лишенным испуга, и крикнул:

— Да... Выкатилась, можно сказать, девица... Страшновато с такой встретиться...

Тут-то и произошел случай, явно не предусмотренный нашим материалистическим мировоззрением. Девица на плакате взмахнула кривыми ручками, повела лысой бровью и голосом, напоминающим шипенье обиженной черепахи, игриво сказала:

— Здравствуйте! Вот мы и к вам.

Алибабов дрожащей рукой схватился за мокрую кисть, чтобы в экстренном порядке замазать на плакате свою неожиданную собеседницу, но было уже поздно. Девица еще раз шипяще хихикнула, ободряюще хлопнула его по плечу и тонко заметила:

— В кино, так в кино. Чего дома-то сидеть.

— Я с такой харей в общественные места не пойду, — уже несколько оправившись, пробормотал несчастный Алибабов.

— Сам меня выдумал, — сам и ходи, — ласково улыбнулась широким ртом девица и подмигнула кривым глазом, — с первого дня и попреки. Чай,

не с беспредметной красотой разговариваешь. Эстет!

— Вижу, что не с красотой, — вздохнул Алибабов, — пойдем уж, что ли...

В кино впервые Алибабову уступали лучшие места. Сначала его толкали и зашучали, но, посмотрев на его спутницу, быстро освобождали целые ряды. В трамвае кондукторша потребовала за нее специальный добавочный билет, как за корзину. На улице Алибабов робко вел ее по менее освещенным уголкам, чтобы не мешать уличному движению, а вернувшись домой, сказал взволнованно и категорически:

— Ложись вот там в углу и загородись чемоданом. Я человек нервный и пугливый.

— Уж и художники нынче пошли, — обиженно просипела девица с плаката, — сами выдумают, а сами задаются.

Для Алибабова наступили тяжелые дни. Нужно было девицу с плаката прописать, сводить для приличия в загс и познакомиться с близкими. При прописке у нее долго допытывались о последней судимости, в загсе испуганная гражданка упорно пыталась записать ее в книгу скоропостижно умерших, а соседи при первом же беглом знакомстве обещались жаловаться в домоуправление.

Только один Казбеков как человек чуткий, хотя и эстет, дружески спросил, посмотрев на девушку:

— Сам выдумал или нечаянно? Внутреннее око или несчастный случай?

Алибабов горько вздохнул и ничего не ответил. Он вообще перестал разговаривать и только мрачно ходил по улицам. И как это ни странно, — впервые увидел неограниченный комплект советских девушек без особых дефектов. То ему пересекала дорогу чудесная блондинка из шахты Метростроя, то маячила пред глазами кудрявая вузовка с нормальным ртом, то немый упрямый влезла в сознание хорошенькая продавщица из универмага. Алибабов хватался за голову, рычал в глубокой тоске и бежал домой. Там его ждал живой и безоговорочный протест против эстетизма и упадочничества — девушка с плаката. Алибабов мрачно плевал на приготовленный холст и пил большими глотками спирт.

Девушка сама ходила за получением гонорара и подписанием договоров на новые плакаты, но их становилось меньше и меньше. Даже самый выгодный заказчик — Яша Безумец из Наркомзема — и тот выдавил из себя со вздохом:

— Если у художника такая жена, ему лучше итти в полотеры. В тех кругах на это смотрят легче.

Алибабов с ненавистью рассматривал свои прежние плакаты. Ночами потихоньку он подрисовывал на оригиналах человеческие скулы, выравнивал глаза и укорачивал уши, но было уже поздно, — плакаты уже давно висели во всех людных местах. Так продолжалось до той памятной минуты, когда однажды под утро ожившая девица подошла к нему сзади и неожиданно сочно поцеловала его в полусевшее темя. Алибабов обернулся, взгляделся в нее еще раз и с отчаянием вскрикнул:

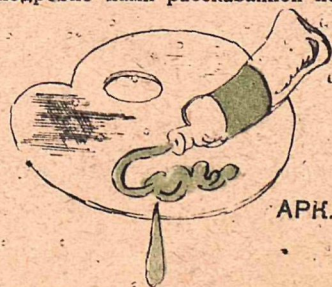
— Ну! Марш, жаба, на полотно! Втискивайся обратно, харя!

— Сами выдумываете, а сами ругаетесь, — жалобно пискнула девица и вдруг испуганно стала вдавливать в плакат.

— Зашпакую! — рычал Алибабов, — марш под грунт, уродина! Ура!!

Таяли последние жуткие черты под мощными ударами грунтующей кисти. Девица исчезла под белой краской. Снежной белизной заблестело перед Алибабовым полотно. Он схватил кисти и начал...

Вы думаете: начал рисовать человеческие лица на плакатах? Ничего подобного. До сих пор и он и другие плакатисты еще рисуют невообразимых уродов. В этом и вся мораль столь неправдоподобной и подробно нами рассказанной истории.

— Позвольте Вам слегка на ножку наступить!
— Дается близким лишь такое позволение.
ГЕТЕ, „ФАУСТ“.

На открытии с'езда сатира была представлена портретами Салтыкова-Щедрина и Джонатана Свифта на колоннах, да крокодилцами на свободных местах. Нам неизвестно мнение Салтыкова-Щедрина о некоторых делегатах с решающим голосом и мнение Свифта о делегатах с голосом совещательным. Поэтому мы взяли на себя задачу дать несколько характеристик карандашом и пером и просим считать наши шаржи, эпиграммы, и, главным образом, замыслы — дружескими. Отсутствие характеристик, эпиграмм и зарисовок отдельных писателей объясняется скромными размерами 16-страничного журнала при 1500 членах Союза советских писателей.

ДНЕВНИК ОДНОГО ГОСТЯ

Дружеские шаржи Кукрыниксы

Был на открытии. Сидел между Лермонтовым и Кирпотиным. Слева на стене Лермонтов (М. Ю.), впереди на эстраде Кирпотин, а посредине в седьмом ряду я. Так и выйду на фотографии. Когда снимали, успел плечом заслонить Катаева. Пусть не выйдет. Хорошо еще, что рядом не сидели Ильф с Петровым. Двоих не заслонишь.

Горький читал доклад. Обо мне — ничего. Даже об амёбах и инфузориях упомянул, а обо мне ни слова. Хуже амёбы значит, на данном отрезке времени. Так. Затирают. Опять начинается...

Докладывал Радек. Не возражаю против загнивания буржуазной литературы. Пусть гниет. И против советской не возражаю. Пусть существует. Но почему обо мне ни пол-слова? Меня, может быть тоже переводят на языки. Послал записку в президиум — почему замалчивают. Средний член президиума поковырял запиской в зубах и никакого ответа. Типичный разгул воскресающей рапповщины.

Выступал Кольцов о сатире. Придрался к случаю, что у меня сатирических вещей нет и не упомянул. Логика! А если у меня драм нет — так меня и в драматургии затирать надо? Одна бражка — сговорились. Недаром, когда Ермилов пил сидро в

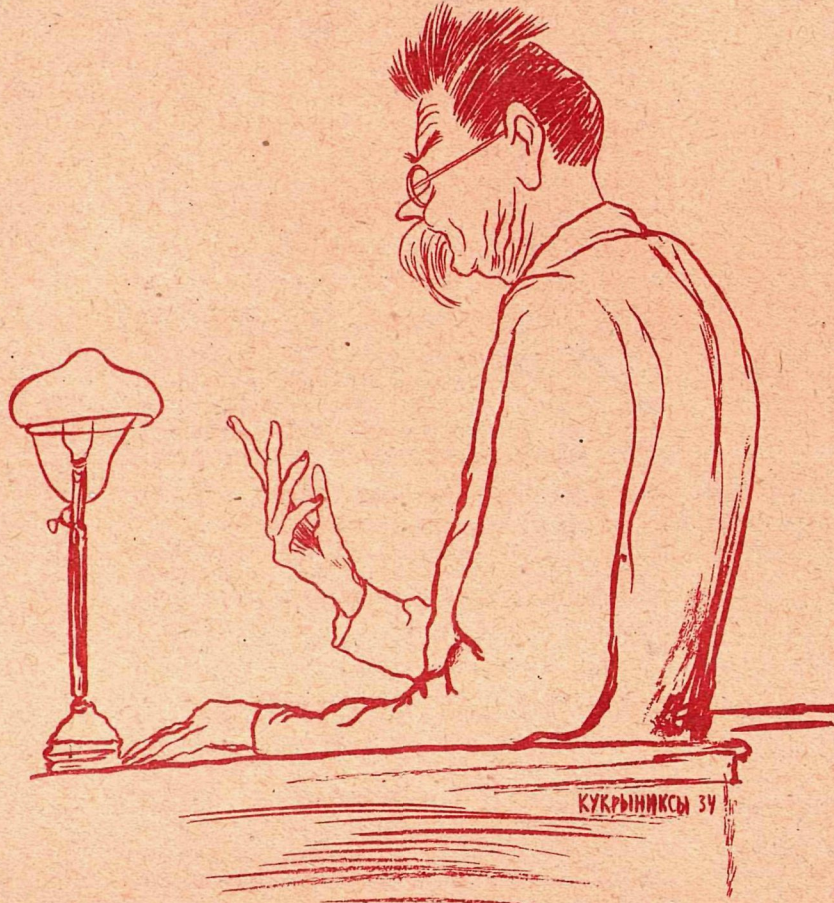
буфете, так Борис Левин ему пальцами знаки делал. Нето, чтобы сидро оставил, нето группку сколачивают.

Бухарин. Николай Иванович. Доклад. Не упомянул. Сводит личные счета, почему я ему не дал в «Известия» свой исторический роман. Нужно будет дать. Там у меня занятая любовная интрижка у Ивана Грозного с Екатериной Второй и разоблачения татарского ига. Пусть печатают.

Спасибо Маршаку. Упомянул. Так и сказал: «Есть у нас таланты, а для детей не пишут». Ясно на кого намек. Теперь непременно переделаю Робинзона для радио — с джазом и шумовым оформлением. Дети так дети. Все-таки цветы жизни и гонорар приличный.

Говорят, что с'езд кончился. Не знаю. Еду обратно в Анапу. Только зря вызывали. Подготавливаю одноклассник для Гихла. Пушкин уже в наборе, Гоголя редактируют — скоро и моя очередь...

ХАРИТОН НАЛИМОВ

Имя: Алексей
Фамилия: Пешков (псевдоним — Горький).
Занятие: Писатель.

Примечание:
Является активным революционером. Непримиримый. Оказывает влияние. Талантливый.

(Сведения Нижегородского жандармского отделения, 1901 год).

НАШИ СВЕДЕНИЯ:

А. М. Горький — писатель, имеющий мировое имя. Наиболее читаемый автор на двух полушариях. Горячо нелюбим буржуазными историками литературы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

СЪЕЗДОВСКИЕ ЭПИГРАММЫ

НА А. ТОЛСТОГО

Талант Толстого прост и ясен —
Охотно голосую — за!
Выходит „Петр“.
Как „он прекрасен —
Он весь — как божия гроза“!

НА ШКЛОВСКОГО

Его работ все знаем стиль мы,
Он человек не без затей
Мечтает делать кинофильмы
Он из критических статей.

НА НОВИКОВА-ПРИБОЯ

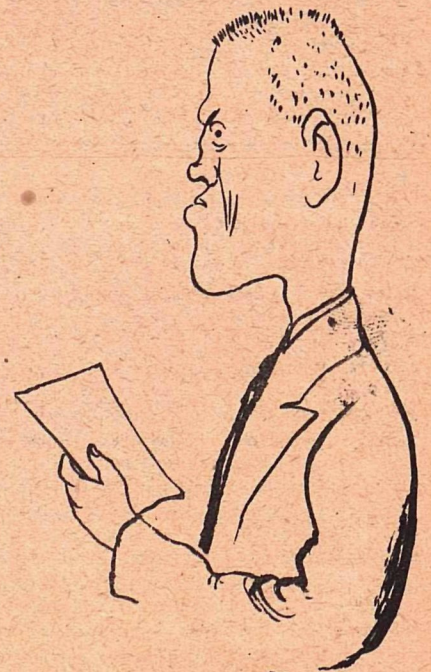
Твои труды хвалю везде
И крепко восторгаюсь ими.
Хоть вся „Цусима“ — на воде,
Но нет воды в твоей „Цусиме“!

НА АЛТАУЗЕНА

Писать поэмы ты горазд,
Но пишешь их порою скверно:
Твоим редактором наверно
Безусый был энтузиаст!

ФАДЕЕВ — последний из Удега на с'езде. Остальные не приехали и вручили свои мандаты москвичам.

ТИХОНОВ — поэт и докладчик. Выполняет обязанности комиссии по раздаче наград среди отличившихся поэтов. Сам пишет лучше своих подзащитных. Фамилии гениев стиха произносит звучнее, чем цитаты из них, опасаясь веселого настроения в зале.

С'ЕЗДОВСКИЕ ЭПИГРАММЫ

НА ЧУКОВСКОГО

Тише! Чу:
Ряд стихов!
Слог — чертовский!
То Чу-Чу,
То Чуков,
То Чуковский!

НА МАРШАНА

Эльф он принес на с'езд.
Ждали: дядя эльфов с'ест,
Но Маршак наш парень ловкий:
Их поглядел по головке;

Вот какой рассеянный
Наш поэт с Басейной!

НА ЭРЕНБУРГА

Да, ты устроился хитро —
Разубедить меня посмейка! —
У всех писателей — перо,
А у тебя — перо и лейка!

НА ЛИДИНА

Кто солиден,
Как Лидин?

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ — факир и член президиума. Более известен как писатель. Раньше работал в цирке, где и приобрел искусство сохранять литературное равновесие: может одновременно вкушать славу и не бросать пера. В драматургию приехал на „Бронепоезде“, избрав этот вид транспорта как наиболее безопасный от критических налетов. Особых примет не имеет. Роста среднего, хотя на голову выше некоторых из современных писателей. Грамотен. Последнее обстоятельство подтверждается не только выпиской из домашней книги, но и художественными произведениями.

С'ЕЗДОВСКИЕ ЭПИГРАММЫ

НА ЛЕОНОВА

Таланта твоего разбег
Признала критика без спора.
Хоть сам я — честный человек, —
Хвалю я „Вора“.

НА ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ

в переводе Пастернака.
Поэты! Все вы одинаковы:
Похожи все на Пастернака вы!

НА МАРИЭТТУ ШАГИНЯН

В вас тьма ученых благ.
Да вы, дошли до точки:
Без Гёте ни на шаг,
Без Гегеля — ни строчки.

НА ГЛОБУ,

переделавшего Щедрина для сцены.

Писатель классической школы —
Щедрин — не боится тревог:
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из Глобы не мог.

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

ПЕРЕХВАЧЕННОЕ ПИСЬМО

Дорогая Генриетта!

Со мной всегда что-нибудь случается в чужом городе. То с кем-нибудь познакомишься, то просто украдут чемодан. Так и в Москве.

На футбол я, конечно, не попала, турки почему-то уехали и пришлось зайти на с'езд писателей. После Сочи на с'езде мне показалось немного скучно и официально: говорят о литературе, пьют в буфете сидро и все с мандатами.

Очень понравился один брюнет с решающим голосом, но потом оказалось, что это писатель. Я очень разочаровалась. Писатели, вообще, попадают на с'езде. Для них даже открыт табачный киоск, читаются доклады и выданы гостевые билеты, но они очень мешают служащим Оркомитета поднимать с'езд на принципиальную высоту. Занимают места и не дают разговаривать во время прений.

Неужели и Тургенев был такой противный? Потом я немного привыкла и вошла в курс литературных дел. Это очень, очень забавно.

В кулуарах между женской уборной и киоском с подержанным Шеллером-Михайловым только и узнаешь все закулисные литературные новости. Показывали писателя Прибоя. Говорят, что для него все пишет Новиков. Это теперь принято, но почему-то преследуется.

Недавно один писатель Бройде писал для кого-то на собственном автомобиле, но очевидно неудачно.

Показывали мне писателей с продолжением, — это те, которые написали только первые части. Вторые части наверное труднее. Через пять лет трудно вспомнить, что написал в первой.

Впрочем, многие хорошо живут и с первой частью. На нее тоже идут сухие пайки и мокрые банкеты. Сама тоже получаю сейчас питание по делегатскому билету. Устроил оргкомитетовский сотрудник. Он так и сказал: «Я, конечно, не Пушкин, но сырковую массу на завтрак и три блюда на обед устроить могу».

Жаль, что на с'езде, после докладов нет неофициальной части. Я очень хотела послушать Утесова, или хотя бы кого-нибудь из поэтов. Говорят, что некоторые из них во время чтения стихов свистят и танцуют.

Издали видела Шкваркина. Какой успех! Говорят, что он наш Мольер, но только в прозе и в трех действиях без перестановки.

На с'езде был живой Лидин. Интересно, где он одевается? Показывали Алексея Толстого. Не похож. На картинах он с большой бородой и толстой палкой, а на с'езде был без палки, в очках и снял бороду. Наверное стесняется.

Мой оргкомитетовский приятель — это остряк. Говорит, что если все начнут писать — совершенно запутаешься: кому дачу, кому дополнительную площадь, кому горт. Когда не пишут — легче: все можно разделить между низшим персоналом канцелярии. Высший все возьмет сам.

Видела писателя Ивана Рахилло. Говорят, что он летчик. Нужно будет потом сходить на аэродром почитать его. Не может быть, чтобы такой плотный мужчина плохо писал.

Познакомилась со Шкловским. Переде- лывал на ходу в звуковой фильм повестку очередного заседания.

Видела Катаева, Олешу, Никулина. Скучные. Я думала, что они тоже авторы, а оказывается они — пишут.

Решила окончательно остаться в литературе. Мой приятель устроит. Он, и правильно, не Пушкин, но за то какие связи! Обещал свести меня с Литфондом.

Ну, пока! Пиши мне прямо на Союз: Москва, Поварская, 52, заведующей творчеством

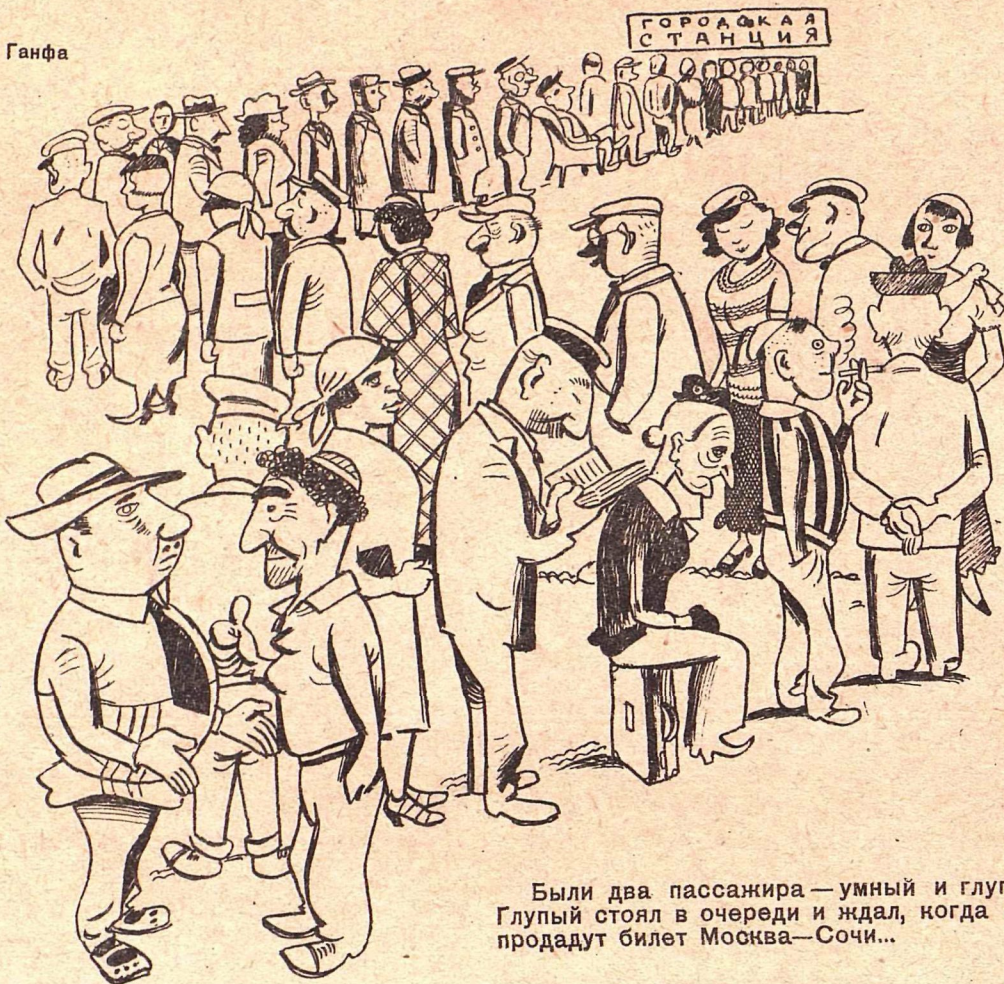
Ну, пока! Пиши мне прямо на Оргкомитет: Москва, Поварская, 52. Заведующей творчеством

любящей тебя Люсе.

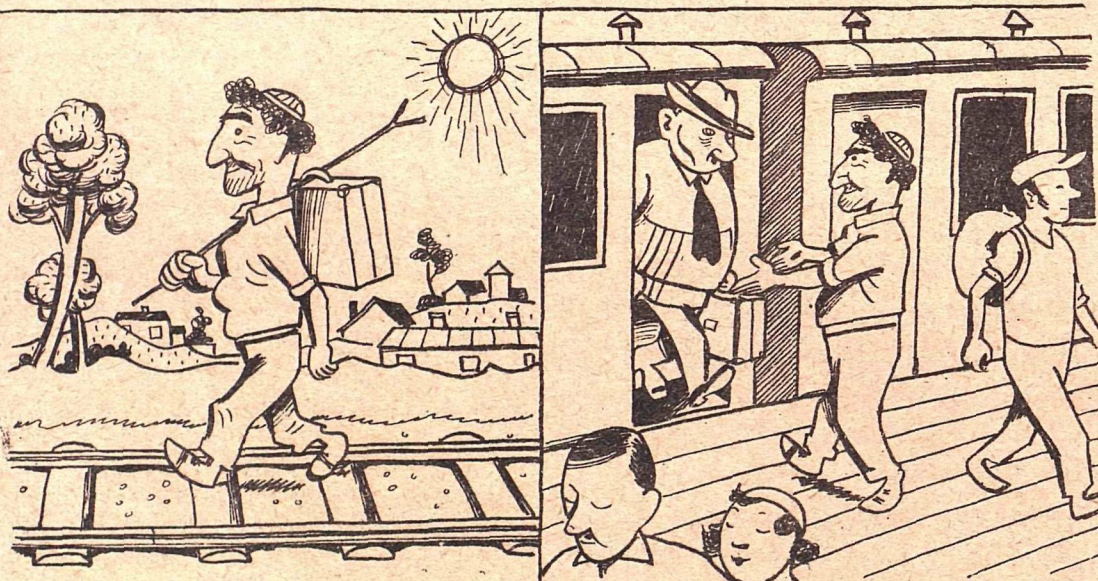
P.S. Кланяйся всем в Сочи. Почему груши?

УМНЫЙ И ГЛУПЫЙ (ТРАНСПОРТНАЯ СКАЗКА)

Рис. Ю. Ганфа

Были два пассажира — умный и глупый. Глупый стоял в очереди и ждал, когда ему продадут билет Москва—Сочи...

...Умный взял и просто пошел пешком.

— Что же это, батюшка: я третий день выхожу вас встречать на вокзал, а вы только сегодня явились.

— Что же тут странного: ведь вы шли пешком, а я ехал на скором поезде!

А З А Р Т

Человек, желающий победить, иногда не знает, попадет ли он в хорошую столовую или в плохую. Беспомощно стоит он перед вывеской и колеблется...

Так именно и колебались перед вывеской неизвестной столовой два друга — Супцов и Шутихин.

— Эхма! — сказал Супцов. — Зайдем на мою голову... Больно уж есть охота...

И он потянул за собою оробевшего друга.

Сейчас же за входной дверью Супцов и Шутихин увидели кассу столовой и подле нее небольшую очередь. Однако стать в очередь оказалось предприятием гораздо более трудным, чем можно было предположить. Дело в том, что никакой такой очереди, в которой, как известно, один человек стоит за другим, не было. Просто около кассы, пытаясь, сопя и яростно ругаясь, жались друг к другу человек 10 алчущих еды людей. Положение сильно напоминало игру в волейбол в тот именно момент, когда еще не известно, куда

упадет мяч, но есть основание предполагать, что он опустится в этом именно углу площадки, и все игроки готовятся к удару.

Тут Супцов отвел оторопевшего приятеля в противоположный угол, а сам, похлопав себя по бедрам и плечам, как перед прыжком в воду, нырнул в самую гущу играющих по принципу «мала куча».

Шутихин попытался осмотреться. За ближайшим к нему столиком четверо столовников с кинематографической быстротой уничтожали содержимое своих тарелок. А сзади них стояли уже трое других посетителей; лица стоявших были исполнены неприкрытой ненавистью по адресу посетителей, сидящих, и они нетерпеливо постукивали пальцами по спинкам стульев. Дробь этого постукивания чудодейственно взбадривала обедающих, которые все ускоряли темпы своего насыщения.

Внезапно перед Шутихиным возник его друг. — Ну вот, брат, и чеки. Сейчас нам кушать

подадут, — весело начал он. — Вот мы сейчас сядем, а нам сейчас...

— Феденька, где твои пуговицы? — испуганно сказал Шутихин.

Супцов оглядел себя. Из пяти пуговиц пальто уцелела одна, но и та доживала последние мгновения, качаясь на нитке.

— Это, брат, пока я чеки брал... того... нажали немного...

— А рукав? Рукав тебе кто надорвал?

— Разве это у меня? Я слышал, как оно трещало, но я думал, что не у меня, а у него...

— У кого—у него?

— Ну, у этого человека, который меня... которого я по морде... ну, с которым мы рядом стояли у кассы. Ну, идем: вон столик освободился... Пока не заняли...

Подойдя к столику, Шутихин спросил.

— Гм... ну, и скатерти... Что ты вынул из горчичницы?

— Так... мелочь... окурочек. Знаешь, ихние скатерти, пожалуй, имеют свою хорошую сторону: по крайней мере, подсев к столику, сразу узнаешь, какое сегодня меню. Видите, тут вот желтое пятнышко от бульона... Это — томатовый соус. Не правда ли чудесного цвета отпечаток? Цвет танго. А вот — кисель. Клюквенный, старый добрый клюквенный кисель... А вот и макарона, я ее сразу и не заметил... Товарищ официант, что у вас нынче на обед, — макароны?

— Сегодня макарон нет. Были макароны, да на той неделе кончились.

Супцов неловко кашлянул и преувеличенно оживленно обратился к другу:

— Так вот я и говорю: сейчас нам кушать подадут, мы и покушаем. Вот уже и официант идет.

Действительно, помянутый Супцовым работник общественного питания приближался, искусно лавируя между столиками.

...Только посетителям столовых, да еще потерпевшим кораблекрушение в открытом море, известна эта смена надежд и разочарований, сладких чаяний и горького уныния, когда где-то на горизонте показывается парус судна или передник кельнера, дымящаяся труба на качающейся палубе парохода, или дымящиеся чашки кофе на качающемся подносе официанта; когда этот парус, передник, эта труба, чашка приближается к вам, когда кажется уже, что вы замечены экипажем парохода или кельнером, и вдруг — ловким маневром судно-кельнер меняет галс и удаляется, при чем присущие ему дымок и белые поверхности тканей медленно исчезают из глаз... О, тогда потерпевшим кораблекрушение страстно хочется стучать ножом по единственной уцелевшей жестяной тарелке, а посетителей столовой душит желание сорвать с себя одежды и, взмахивая ими над головой, обратить внимание уходящего...

Именно такую муку суждено было испытывать нашим героям в продолжение часа десяти минут. Они то преданными собачьими глазами следили за извилистым ходом официантов, то с безнадежностью опускали глаза.

И, наконец, на семьдесят первой минуте спасительное судно, то бишь официант, приблизилось. Замедляя ход, он, как и полагалось по морским обычаям, крикнул:

— Эй, там на шхуне... то-есть, за столиком, что вам надо?

— Вот вам чеки, товарищ официант, — снова оживившись, начал Супцов, — вы нам дайте так: два супа...

— Суп весь, — мрачно отразил официант, глядя куда-то не ближе горизонта.

— Тогда щи. Дайте нам щи.

— Щи все.

— Гмм... Тогда вот что... принесите мне сразу, а ему...

— Зраза вся.

— Вот ведь неудача... Что же у нас остается? Чай с печеньем...

— Печенье все.

— И печенье все?

— Все.

— Идем домой! — сказал Шутихин.

— Почему же домой?

— Терпенье все.

Но Супцов, как это часто бывает с разгорячившимися игроками, еще не понимал, что его ставка бита. Плетясь за приятелем, он бубнил: — Ну, чего ты... Ну, возьмем капусту, там же была капуста...

Обычно принято в печати описывать конкретные факты. Сперва, стало быть, появляется факт, а потом о нем пишут.

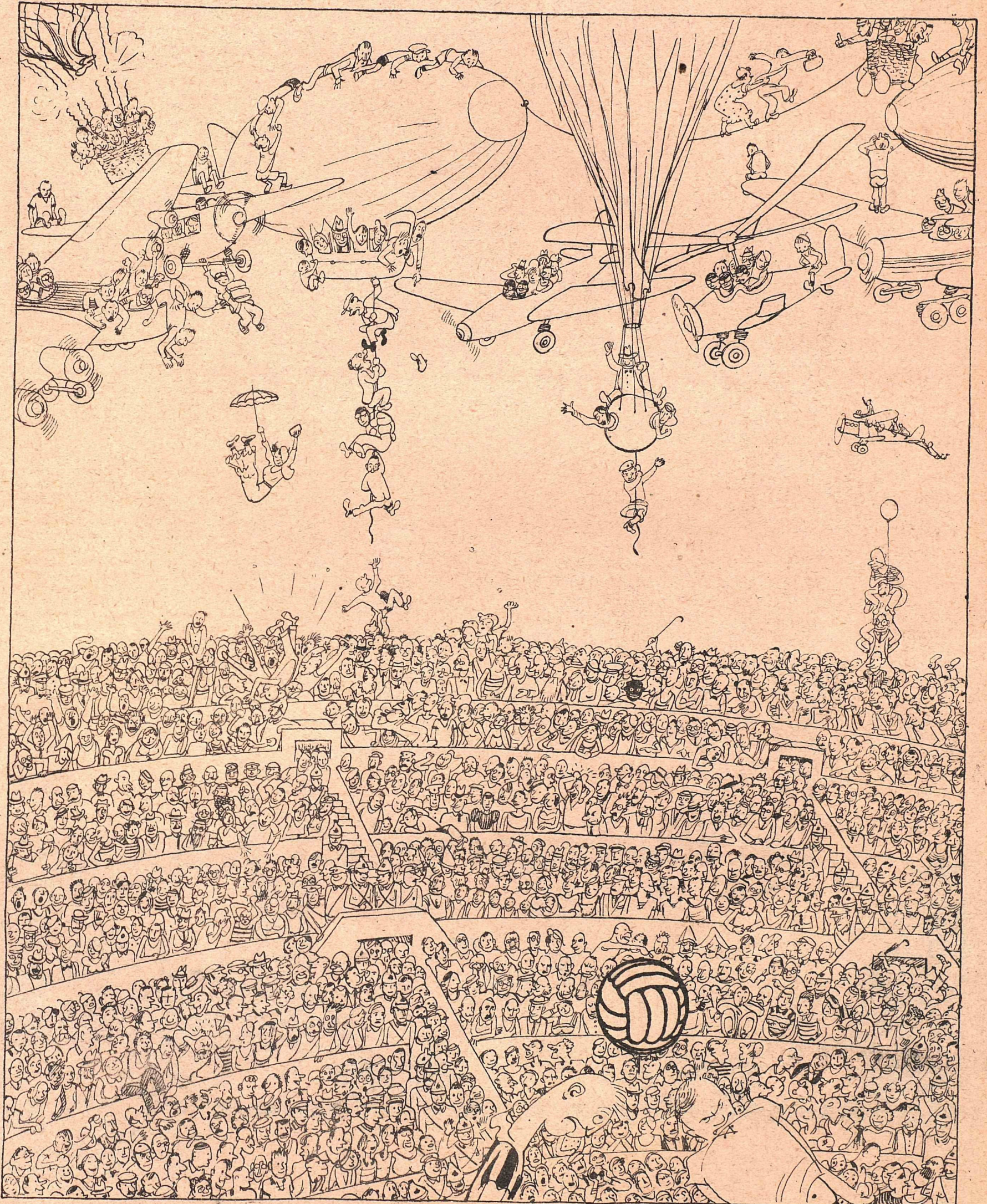
Мы позволяем себе обратную последовательность. Описав сначала дурную столовую, говорим: ну-с, а теперь, товарищи читатели, вспомните сами о фактах, подтверждающих наш рассказ.

Как видите, мы рискуем. Но не очень рискуем, к сожалению... Факты найдутся.

В. АРДОВ.

ЕЩЕ О НАДСТРОЙКАХ

Рис. К. Ротова

Матчи с Турцией показали, что московский стадион „Динамо“ (вместимость 75 000 человек) не может удовлетворить весь спрос на билеты. Наш художник К. Ротов предлагает простой и доступный способ расширения стадиона вверх.

К. Р. 34

БЕЗЫМЕНСКИЙ

Теряюсь пред фактами такими —
 Скандал, действительно, вселенский:
 У поэта такое большое имя,
 А называется он — Безыменский!

Съезд писателей проходит под знаком творчества. Высказывания по творческим вопросам намечены во всех пунктах повестки.

В связи с этим мы считаем нелишним отметить, что существуют уже твердые правила высказывания по творческим вопросам, принятые, к сожалению, многими из современных литераторов. Правила эти гласят: чем дальше высказывающийся отъезжает от Москвы, тем его высказывания делаются четче, решительнее, что-ли, бодрее, если можно сказать безапелляционнее...

Ну, лучше мы в качестве примера приведем отрывки из стенограммы выступлений одного нашего литератора. Из примеров все станет ясно.

1. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ В МОСКВЕ (сезонный вечер). ... Конечно, все мы, товарищи, обязаны учиться и учиться, вооружаться и вооружаться, повышать квалификацию и повышать. И я и сейчас, как в первые годы своей литработы, учусь. Учусь у современников и у классиков — у того же Пушкина. Теперь насчет критики. Я

приветствую настоящую критику, хотя бы она и была суровой. У меня об этом сказано в стихах:
 И вы,

Товарищ критик,
 Вы
 верно
 говорите.

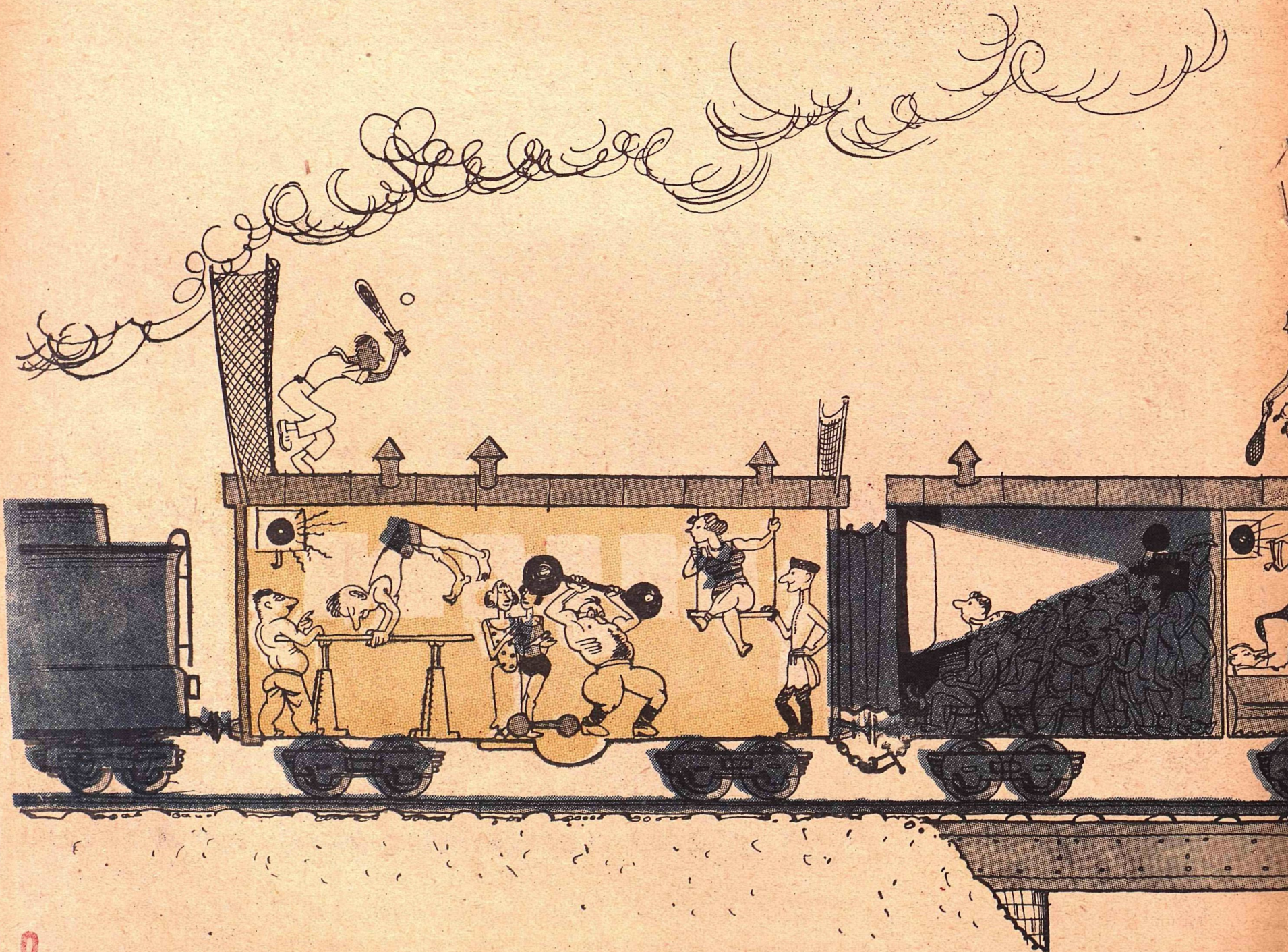
Учиться
 надо мне,
 Чтоб
 пользу дать стране!

Теперь: мною получена записка из публики: «Как вы пишете? Расскажите нам». Ну, что же... Я пишу обычно, сидя. Иногда — стоя. Очень редко — лежа... (смех).

2. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КРАЕВОМ ЦЕНТРЕ (1 000 километров от Москвы). ... Конечно, товарищи, перед тем, как стать писателем надо учиться и учиться, вооружаться и вооружаться. Лично я, прежде чем стал печататься, учился у современников и у классиков — у того

НЕБОЛЬШОЕ

Рис. К. Ротова

Докладчик (которого нет на рисунке): — Смотрите, товарищи, наши с
 Голос (наш „Крокодил“) — Как же они догонят, если они опазды

ТВОРЧЕСТВА

же Пушкина. Теперь насчет критики. Редко, очень редко критика открывает мне что-нибудь новое... У меня об этом сказано в стихах:
 Я знаю,
 нудный критик,
 Все то,
 что вы твердите:
 Пришлось учиться
 мне,
 Пользу
 дать стране.

Теперь мною получена записка из публики: «Как вы пишете? Расскажите нам». Ну, что же... Я пишу обычно сидя. Иногда — лежа. Реже — стоя. (Смех, аплодисменты).

3. В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ (2 500 километров от Москвы).

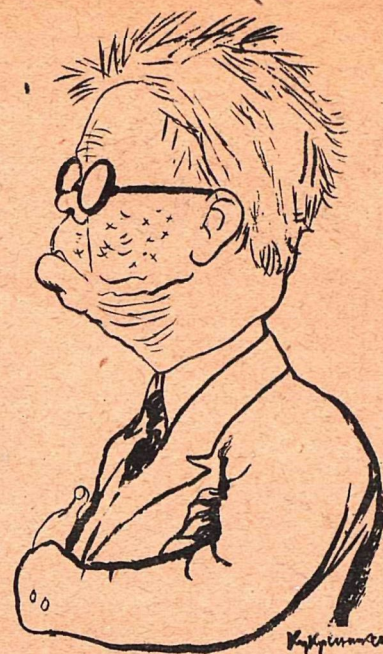
...Надо учиться и учиться. У того же Пушкина, у меня... На критику плюйте, как плюю на нее я. У меня даже в стихах есть:
 Стервец вы,

а не критик!
 Вы лучше
 помолчите!
 Вы разве
 ровня
 мне?
 Известен
 я
 стране.

Теперь... теперь... гм... (обращается за кулисы) в чем дело, Вася? Почему нет записки насчет того, как я пишу? (голос из-за кулис: послали записку, да народу больно много — не пробиться в зал!) Так пусть передают по головам! Кажется, можно догадаться. А то стою здесь, как ду... Ага! Наконец-то! Мною, слава богу, получена записка из публики: «Как вы пишете? Расскажите нам». Ну, что же. Я пишу обычно нахожу. Иногда — лежа. Редко — стоя.

(Смех, аплодисменты, переходящие в овацию, крики «деньги обратно!»).

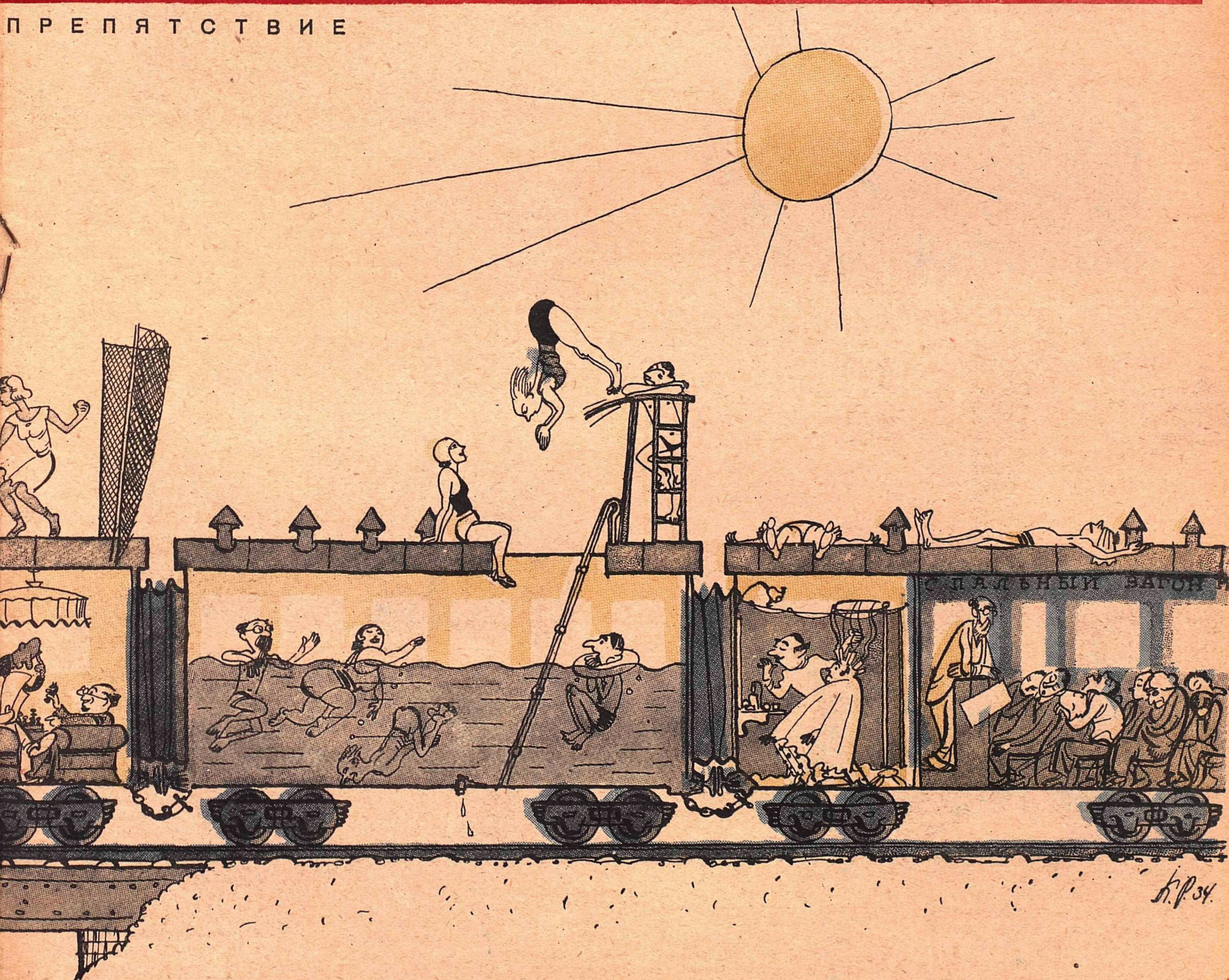
ИВАН ДИТЯ

ГЛАДКОВ

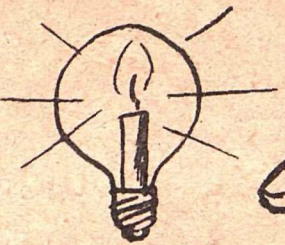
Прочитал „Энергию“, уловив момент:
 В романе видна Гладкова сила!
 У него хватило энергии на „Цемент“
 А на „Энергию“ цемента не совсем хватило!

ПРЕПЯТСТВИЕ

корые поезда по своему комфорту скоро догонят американские!
 вают на одиннадцать часов в сутки?

Универсал

Крокодила

ДИВАНО-КРОВАТЬ

Я — убежденный старый холостяк-одиночка с уклоном в деловой американизм. Всю жизнь меня преследовала неотвязная мысль устроить свой быт красиво, комфортабельно и элегантно. Зачем мне две комнаты, — бодро думал я в бессонные ночи, — когда при уменьши и поддержке мебельной промышленности можно всегда удобно устроиться в одной, превращая ее, по собственному желанию, то в спальню, то в столовую, то в кабинет или в переднюю.

Итак, я нанял себе небольшую уютную комнату и приступил к делу. Ги-

бельном магазине это приспособление для сна и отдыха.

Две дюжих работницы прилавка тут же охотно продемонстрировали мне способ обращения с диваном, превращаемом в кровать, и наоборот.

Сложная конструкция и в то же время неповторимая легкость обращения с ней привели меня в восторг. Оказалось, что диван превращается в кровать чрезвычайно просто. С двух противоположных концов вынимаются две железные штучки (название условно), после чего сиденье поднимается на специальных пружинах. Затем оно переворачивается, и под ним обнару-

возможным. Они помещались в противоположных концах дивана, и то, что, шутя, играя и обливаясь потом, сравнительно легко сделали две дюжих работницы прилавка одновременно, — увы!.. — не удалось одному хилому холостяку-одиночке (см. рис. № 1).

ночевали на вокзале в ожидании билетов в Бердянск.

Со стоном я бросился к телефону, чтобы вызвать друзей. Телефон системы Маркова не работал. Я старался громкими и убедительными криками привлечь внимание общественности.

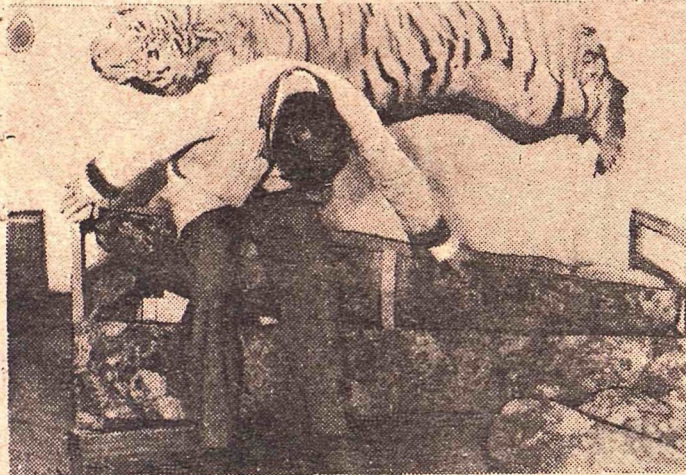

Рис. 1

гиенический сон ночью и профилактический отдых днем — вот два кита, на которых держится оптимизм холостяка-одиночки. Для сна, как известно, нужна кровать, для отдыха — диван. Но зачем загромождать свою комнату двумя громоздкими произведениями мебельного искусства, когда можно найти портативную вещь, которая одновременно может служить то диваном, то кроватью, то умывальником, то корзиной для рукописей и белья.

живается постель, как в международных вагонах. Затем диванное сиденье опускается до прежнего уровня, с обеих сторон затыкаются железные штучки, и вы можете спокойно спать уже на кровати. Утром вы производите противоположную операцию с железными штучками — и вторую половину суток можете спать уже на диване.

Пораженный блестящей техникой предмета, я заплатил за него около 400 рублей трудовых холостяцких де-

Рис. 3

Пришлось вынимать штучки по очереди. Первую (правую) штучку я, поставив всесоюзный рекорд, вынимал 1 ч. 07 минут, сломав при этом сравнительно немного предметов домашнего обихода: а) молоток, б) нож для открывания консервов и в) орудийный банник образца 1903 г. Когда проклятая штучка была, наконец, извлечена из сложного механизма ди-

Еще не забрезжила заря, как общественность явилась ко мне в лице тт. NN и гражданки NNN. Наскоро об'яснив им создавшееся положение, я умолял помочь мне раскрыть жуткую мебель. Чуткая молодежь горячо откликнулась на мольбу старого холостяка и с бодрым гиканьем навалилась на диван (рис. № 4). Но и здоровый оптимизм не помог. Диван

Рис. 4

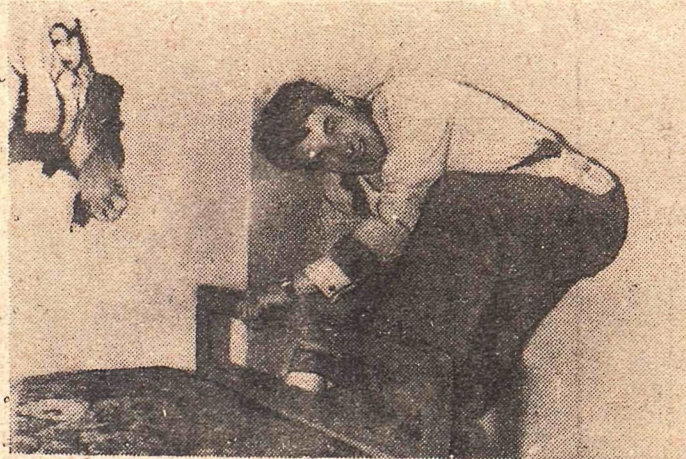

Рис. 2

два-три года тому назад было бы беспочвенным мечтать о такой мебели, но в данное время трест Мосдрев, идя навстречу возрастающей потребности холостяков-одиночек, выпустил в свет сложное сооружение из недорогих сортов дерева, обитых игривым го-беленом, под условным названием «дивано-кровать». «Ба!» — коротко и радостно воскликнул я, увидев в ме-

нег, и не прошло и четырех суток, необходимых для перевозки механического сооружения с одной улицы на другую, как последнее уже стояло в моей универсальной комнате.

С дрожью нетерпения дожидаясь я сумерек, когда можно будет превратить диван в кровать. Сумерки наступили. Я стал вынимать первую железную штучку, так как вынуть сразу обе оказалось физически не-

возможным. Последний слегка приоткрыл свою пасть (см. рис. № 2). Итак почти поддела было сделано. Несколько утомленный, я взялся за вторую (левую) штучку. Выяснилось, что она может быть вынута только тогда, когда опущена правая сторона дивано-кроватьи (см. рис. № 3). Опустив правую, я мог легко (1 ч. 32 м.) открыть левую, но в таком случае я уже никогда не смог бы открыть правую, не опустив левой. Короче говоря, при наличии только двух рук и двух ног совершить операцию по превращению дивана в кровать и наоборот оказалось невыполнимым. Тут я осознал свою ошибку, пустившись в водоворот жизни без помощи детей, жены и родственников, но было уже поздно. Часы пробил 12. Домработница, утомленная уроками западного танца в парке культуры и отдыха, нечутко спала. Соседи уже 4-е сутки

не превращался в кровать, кровать — в диван. Чувствовалось, что мы бессильны перед этим зловещим изобретением Древетреста. Что было дальше, описывать не стану. Товарищи! Пожилой солидный холостяк, умеренно трезвый, почти не пьющий, с чудным мягким характером, ищет знакомство с какой-нибудь гражданкой. Характер и возраст не важны. Важен вес и физическая сила, необходимые для превращения дивана в кровать, и наоборот. Предпочтительно имеющую 8 пудов, значок второго комплекса «ГТО» и несколько взрослых детей для помощи.

Холостяк-одиночка
ЮРИЙ КАРЛОВ

Понятие от общественности:
Старик САББАКИН, А. ПОЛУ-
ЗАЙЦЕВ и гражданка NN
(Наташа).

(Стенограмма рассказа одного велосипедиста)

Светофор мигнул мне зеленым глазом. Я быстро оглянулся и налег на педаль. Вижу, — дорогу развязно переходит пышная гражданка. Не теряясь, я энергично надавливаю на лапку звонка, но он стойко выдерживает нажим и не издает ни звука. Я нажимаю опять, — звонок нагло молчит. Свернуть некуда и тормозить поздно, и, конечно, в следующий же миг раздается почти предсмертный взвизг. Я толкнул его, но не остановился, — в робкой надежде на то, что милиционер ничего не заметил. Недвусмысленный свисток рассеял всякие сомнения. Я спешился. Меня окружила толпа, и милиционер вынул блок-нот.

— Платите штраф.
— Это за что же? — невинно отозвался я.

— А за то, что сигналов не даете.
— Да я звонил!.. — вспыхнул я. — Я же не виноват, что звонок не действует.

— Врешь! — заревела подоспевшая жертва. Милиционер деловито надавил на лапку звонка и вздохнул. Звонок безмолвствовал.

— Платите штраф — невозмутимо повторил он, — нельзя без сигнала.
— Да я только вчера получил велосипед! — взмолился я. — Я же не виноват, что пензенский завод такие звонки делает!

— Брось загибать, приятель! Машина-то вся, гляди, облупленная, а ты — «вчера-а получил!» — ехидно вступился кто-то.

— Мне же ее в таком виде продали... Стоило ли ввязываться в спор? Проглотив обиду, я расплатился и поспешил выбраться из враждебного кольца, напутствуемый злорадными возгласами.

После происшедшего я потерял всякое доверие к звонку и принялся пугать пешеходов испытанными извозчиными выкриками.

За городом вид деревянных домиков с обязательными занавесками и цветочными горшками развеял мои мрачные размышления. Впрочем, ненадолго: на меня набросилось штук пять дворняжек, которые до этого от скуки обнюхивали заборы. Я прибавил ходу. Номер, однако, не прошел: послышался подозрительный стук. Не ожидая ничего хорошего, я спрыгнул и осмотрел заднее колесо. Камера испустила дух, очевидно, от страха. Других причин не было.

— Хорошо, — вздохнул я. — Будем чинить.

С легкой нервозностью я дернул за ремешок тряпичной сумки, которая, по лестному мнению администрации пензенского завода, должна производить впечатление кожаной. Ремешок оборвался. Не обращая внимания на эту мелочь, я извлек из сумки драгоценный пузырек с клеем.

— Бальзам! — растроганно пробормотал я и приступил к кройке западоты.

Минут через пять молодая камера украсилась целительным пластырем, и мне оставалось лишь вернуть ее к жизни. Но пущенный усердно в ход картонный насос издавал неубедительные «пс! пс!» и только захлебываясь, отказываясь служить. Безуспешные потуги оживить его окончательно расстроили меня. Я присел на край дороги и решил ждать.

«Сегодня выходной день, — подумал я, — авось кто-нибудь подкатит».

В течение двух нудных часов я успел обозреть до мельчайших подробностей убогий пейзаж, окружавший меня, и уже стал подумывать о бесслав-

ном возвращении домой пешком. Чувство, которое овладело мною при появлении велосипедиста, испытали еще, вероятно, только челюскинцы при виде самолета Ляпидевского.

— Товарищ! Приятель! — взволнованно крикнул я, бросаясь к нему. Он сразу догадался в чем дело и протянул мне футбольный насос.

Объединенными усилиями мы придали колесу приятную округлость и расстались друзьями.

Ощувив привычную упругость седла, я вновь воспрял духом. С полей подул легкий ветерок. Запахло свежими цветами. Недаром поэт сказал:

«Проселочным путем люблю скакать в теле...», повидимому, он тоже разочаровался в велосипедах.

Внезапно я почувствовал незнакомый и неприятный запах. Запах быстро рос и креп. Мне пришло в голову, что где-нибудь поблизости лежит дохлая собака. С этой мыслью я свернул в поле и сделал большой крюк; однако запах упорно сопутствовал мне. Я терялся в самых нелепых догадках. Наконец слез, и здесь-то мне бросились в глаза измазанные рога моего вело. Я машинально поднес руку к носу. Чорт поберни, и несло же от нее!

Ларчик открылся просто: рукоятки руля были спрессованы из отбросов картона с обильной примесью вонючего клея, который размяк от тепла. Вот где была зарыта собака (дохлая, конечно).

Я с отвращением соскоблил рукоятки.

Еду и думаю: «Итак, звонок не работает, краска уже кое-где облезла, камера лопнула, сумка тряпич-

ная, насос поперхнулся и не действует, ручки разложились, что еще может случиться?»

С минуту ожидая очередного подвоха, я все же усиленно работал ногами.

— Будь, что будет, — решил я...

Дальше храбриться мне не пришлось: в следующую секунду я, уже сидя на дороге шагах в десяти от велосипеда, растерянно ощупывал себя...

Осмотр дал почти удовлетворительный результат.

— «Проселочным путем люблю скакать в теле!» — зарычал я, направляясь к распростертому ублюду техники.

Я увидел вздувшуюся сердитым удавом камеру. Она выступила из-под спозашей покрышки и, казалось, сейчас зашипит... Я понял: покрышка была слишком большого диаметра.

Выпустив из камеры ненужный теперь воздух, я побрел домой... Пешком. А знаете, куда я так рвался?

Зашел у меня с двумя товарищами спор о том, какой велосипед лучше: московский, украинский или пензенский? У нас были разные машины. Разумеется, каждый отстаивал честь своей марки. В конце концов, мы решили съехаться в Косино (под Москвой) и устроить там состязание.

Состязание, как видите, не состоялось. Мы с пензенским заводом ориентировочно признали себя побежденными.

АПРЕСЯНЫ

ГДЕ ЖЕ ЗАРЫТА СОБАКА?

Рис. К. Ротова

"ГОЛОС МОЕЙ СОБАЧКИ"

Образец новой фабричной марки для хрипящих патефонов.

ЛУЧИ ОСВЕТИЛИ

Рис. К. Ротова

— И вы говорите, доктор, что это рентгеновский снимок моей ноги?

— Видите ли, попутно нам удалось еще просветить качество пластинок фотохимтреста.

ВСЕ ДЛЯ БОЛЬНОГО

— Вчера к нам прибежал какой-то тип, — аспирин требовал. Еле мы его успокоили...
 — Аспирину дали?
 — Нет, валериановых капель...

10
 1949
 34

О ГИГИЕНЕ

Надо сказать без колебания,
 что об этом вопросе писалось не раз, —
 Верней — о цехах, о трамвае,
 И вообще о местах, где грязь.
 Но сегодня не это меня волнует
 И совсем не за оную баню в борьбе:
 Я сегодня хочу подойти вплотную,
 Дорогой мой читатель, к тебе.
 Ну, другой — не культурный,
 ну, тем не обидно,
 Попадают такие и в наш век,
 Ну вот, скажем, Терентьев — инженер,
 солидный,
 Интеллигентный человек.
 В тресте прекрасный работник, в деле.
 Все завидуют танту его и уму,
 Но вот, вы зашли бы назад с неделю
 На Новинский бульвар, на квартиру к нему.
 Не то, чтоб клопы и подобные звери
 Развелись на квартире при инженере,
 А какие-то новые, даже — страх,
 Ползут на мохнатых животиках,
 И какие-то штучки у них на ногах
 Вроде фетровых ботинок.
 Хорошо, что не мог, безусловно, мимо
 Пройти незамеченным этот факт,

И специальных работников Авиахима
 В эту квартиру призвал жакт.
 Перед фантом подобного окружения
 Авиахимом на этот раз
 В пик коммиссии по разоружению
 Был применен газ.
 Зная местность, клопы наступали,
 Азартны, испытанные в бою,
 Но гибли,
 как гибли кавалергарды
 При Мазурских озерах
 в пешем строю.
 Санитары по комнате бегали, горбясь,
 Армия врага напирала с боков.
 В этой битве погиб
 штурмовой корпус
 Коричневых пруссаков.
 Ведя непрерывный огонь атак,
 Черные тараканы дрались, как черти,
 Погибая, но не отступая, как
 И надлежало гусарам смерти.
 Газ и оружие различных систем
 Добивали врагов последки.
 Сороконожки лежали у стен,
 Как опрокинутые танкетки.
 Но пока задыхались врагов громады,

Потерям теряя счет,
 Блохи подпрыгивали, как гранаты,
 На высоте человеческих щек.
 В этой квартире, от газа синей,
 Полками клопов по стене разоидясь,
 Погибла опора царской России — Грязь.
 В этой квартире спокойно и немо
 Санитары, победой влекомые,
 Уничтожили полный отдел Брема
 Под заголовком „Насекомые“.
 И когда за распущенной веткой мира
 Хлор испарился и сера,
 По ходатайству жанта из этой квартиры
 Выкурили инженера.
 И я довожу до ушей знакомых,
 По грязным квартирам шатающихся,
 Что часто,
 чтоб выселить насекомых,
 Начинать надо —
 с „млекопитающихся“,
 Потому, притаившись в квартирной тиши,
 Читатели — милые друзья,
 Не гордитесь отнюдь
 чистотой души,
 Но мойте еще и руки.
 ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ.

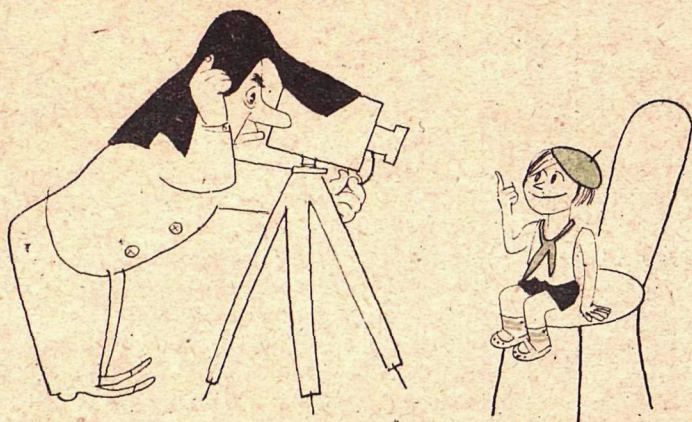
ЗАПАДНЫЙ МОТИВ

Рис. Л. Бродаты

— Как жаль, Эдгар, что ты учился играть на пианино: с ним ведь по дворам не пойдешь...

НЕ ТО ПОКОЛЕНИЕ

— Смотри, смотри, мальчик, сейчас птичка вылетит!
— Брось, дяденька! Лучше скажи, где ты проявитель достанешь?

СВОЯ ВАЛЮТА

Десятки тысяч попавших на московский стадион «Динамо» и сотни тысяч оставшихся за бортом в эти августовские дни одинаково горячо переживали, чем закончится матч между советскими и турецкими футболистами. Болельщик — это носитель острой заразной инфекции. Против этой инфекции до сих пор не найдены спасительные вакцины.

В маршрут турецкой спортивной команды, гостящей в СССР, Ташкент, к сожалению, не включен. Ташкентские болельщики вынуждены поэтому довольствоваться своими собственными знаменитостями.

20 июля на стадионе средне-азиатского «Динамо» в Ташкенте состоялся матч. Играла сборная Военввода и дома Красной армии со сборной «Динамо». Надо отдать должное ташкентцам, они умеют ценить своих чемпионов не меньше, чем москвичи «футбольный колхоз», составленный из братьев Старостинных. Попасть на ташкентское футбольное ристалище было так же трудно, как и на московский стадион в дни матчей с турками.

Уже с утра по городу бродили неистовые болельщики.

— Дайте три бутылки сидро! С собою...

— Сидро нет. Есть пиво!
— Дайте пиво! Лишь бы бутылки были...

Пиво тут же на улице выливалось, а бутылки бережно заворачивались в бумагу.

Болельщики атаковали местную ба-
рахолку.

— Старых галош нет? Пусть рваные... Пусть на разные ноги...

К концу дня в городе не стало никаких напитков, в городе исчезли старые галоши. Зато у стадиона вырос длиннущий хвост. Вместо денег болельщики предъявляли в кассу... утиль. У кассы происходили ожесточенные споры:

— У меня только две бутылки и одна галоша.

— Нет! Принесите еще одну бутылку или еще одну галошу. Иначе нельзя!

— А вместо галош можно рваные мячи?

Контролеры были неумолимы. Они ссылались на объявления в газете «Правда Востока»:

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

20 июля 1934 года.
Стадион Ср.-Аз. „Динамо“

ФУТБОЛ

Сб. Военввода и ДКА „ДИНАМО“.
ВХОД НА МАТЧ ПО УТИЛЮ:

- 1) Бутылок 3 шт. (разных) или
- 2) Галош ст. 1 пара, или
- 3) Белокамера или покрывна 1 шт.

НАЧАЛО В 7 ВЕЧ.

Кто победил на этом матче, — неизвестно.

Среди ташкентских спортсменов — паника. Что будет, если на следующий матч впускать будут не за галоши, а за пиджаки и белые брюки. В чем же тогда сидеть на самом стадионе?

3 — ПРЕМИИ — 3

Напрасно многие думают, что халтура — привилегия мастеров художественного слова или творческой кисти. И хозяйственники и научные работники зачастую тоже не прочь слегка подхалтурить в той или иной области, которая подвернется под руку. Ну, хотя бы в области премирования. И за образцами ходить далеко не надо — возьмем, например, Московский институт авиомоторостроения. Там по отделу лабораторий оказалось необходимым выдать премии. Хозяйственно-научные головы тщательно обдумывали весь ассортимент предметов, которыми можно поразить скромного лабораторного работника, и торжественно премировали:

Инженера Пивоварову, лучшую производственницу и активистку — тарелкой.

Научного работника Бурштейна — вазой с медведем
Производственника Омельяновича — глиняным филином.

О списке других работников и выданных им премий мы не знаем и ориентировочно осудить не намерены, но полагаем все же, что несколько активистов наверное конфузливо понесли домой в качестве премий парочку фарфоровых свистулек, плюшевых зайцев и губную помаду «ТЭЖЭ». Надо же поощрять активистов или не надо?

НЕПРИЯТНАЯ ДИЧЬ

Трудно, чорт возьми, разобраться в отечественной фауне, особенно в каверзном разделе пернатой дичи... Утка, например. Ну, это ясно что: водоплавающее существо. А голубь, извините? Нето хищное млекопита-

ющее, нето мирное травоядное, нето еще, шут его знает, что такое. Вредные эти птицы. Только с толку сбивают занятого человека.

Товарища Горского — уполнаркомвнешторга в Бериславском районе — так они и сбиди. И в суматохе товарищ Горский дал такое объявление в местной газете «Бильшовицкий урожай»:

К СВЕДЕНИЮ ОХОТНИКОВ.

С 30 июля разрешается охота на всю водоплавающую болотную дичь: перепелов, коростелей, голубей всех пород.

Уполнаркомвнешторг — Горский.

Теперь спрашивается: если в Бериславском районе перепел и голубь — водоплавающая дичь, то кто же куропатка в другом районе? Не иначе, наверно, как однокопытное и удойное.

ЧИСТОТА И СТИЛЬ

Можно по-разному бороться за чистоту. На этом участке далеко не все методы, как говорится, исчерпаны. Всякое новое начинание надо только приветствовать, а начинателей — поощрять.

Подмосковный городок Лосиноостровск тоже тянется к чистой, благоустроенной жизни. Это стремительное тяготение пока вылилось в форме установки трех урн, в центре городка, на Советском проспекте.

Урны, как и следовало ожидать, вызвали небывалый подъем и энтузиазм широких лосиноостровских масс. К урнам началось сплошное паломничество.

Каждый считал своим гражданским долгом издадека, с самой окраинной улицы принести на алтарь чистоты, т.-е. в урну, свою скромную лепту — окурочек, грязную бумагу, шелуху от картофеля и прочий утиль неширпотребного порядка. Кое-кто специально для урны удерживал во рту даже плевики и мужественно их доносил до Советского проспекта.

Так было в первый день. Так было и через день.

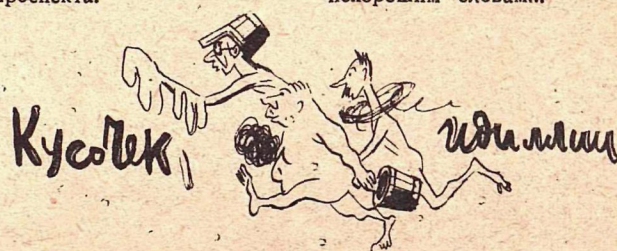
Увы, три урны чистоты не делают, и через несколько дней лосиноостровцы попрежнему стали бросать окурки и бумагу на задний двор, в канаву.

Но не тут-то было. Лосиноостровский начмил Сычев был на-страже. Через какой-нибудь день Сычев водрузил на Ленинском проспекте, на столбе, над канавой, грозное объявление:

„Прошу позвонить начальнику милиции и указать ту сволочь, того прохвоста, который бросает в канаву очистки, загрязняет канаву и тем самым разводит заразу, — этот вредитель будет осужден по заслугам“.

После такого декрета чистота в Лосиноостровске не водарилась. Но матери неохотно отпускают детей на улицу, мотивируя это правильными соображениями:

— Еще сычевские приказы читать начнет... Долго ли ребенку научиться нехорошим словам...

Двадцать шестого июля, в теплый июльский вечер, двадцать три голых человека бежали по улицам города Петрозаводска.

Нельзя сказать, чтобы они были совершенно голы, в античном понимании этого слова. Часть их была изящно и кокетливо прикрыта деревянными шайками, искусно задекорирована мочалками, а головной отряд, бежавший впереди колонны, был просто в густой мыльной пене.

Это не был бег во имя покрытия рекордов. И не беззаботная физкультурная зарядка перед скромным ужином. Тем более, что стартом являлась единственная в городе баня, а финишем — соседняя речка, которая знаменовала собой последнее завершение банно-прачечной культуры города Петрозаводска.

При дальнейшем расследовании — как это обычно говорится в протоколах — выяснилось, что петрозаводская баня страдает двумя неприятными дефектами: зимой в ней перестает течь горячая вода, а летом — холодная. Зимой намыленным трудящимся бегать на речку неудобно. Холодно и не хочется.

Поэтому они коротают часы ожидания кипятка у кранов в непригодных беседах о семье и быте, а в крайнем случае прикрывают усохшую пену немодными костюмами и бегут домой отмываться в кадушках из под капусты и огурцов.

Летом положение значительно облегчается. Во-первых, — географическим расположением реки, до которой всегда в полчаса можно добежать, прикрывшись тазом, и смыть в ее ласковых струях мыльные излишки, а во-вторых — покупкой около бани шайки холодной воды. Вода расценивается приблизительно в 60 копеек порция. Если только человек не очень основательно намылен. В противном случае, в целях экономии, он покупает воду только для верхней части организма, а нижним третью около деревянных частей банного строения или просто счищает мыло щепочкой.

Никаких особенно несчастных случаев с гражданами Петрозаводска от этого не бывает, и горсовет уже привык к появлению голых и намыленных людей в городе, как к новолунью, цветению подсолнечников, собачьему лаю и другим естественным явлениям природы. Соседствующее с баней население в выходные дни даже начинает скучать, не видя намыленных трудящихся, скачущих с тазами и мочалками, и быстро успокаивается, заметив робкую фигуру голого счетовода, или скользкий торс местного ветеринара.

Это продолжается уже несколько лет. Надо полагать, что даже и после этих незамысловатых и добросердечных строк все будет попрежнему. Разве только горсовет опомнится и вставит в очередную повестку дня срочный вопрос:

«О перенесении реки ближе к городской бане для удобства трудящихся».

С. Гудай-Зубаев.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!
В городе Чите, в местном отделении Точмашбыта (сбыт точных машин) висит такое объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Желающие получить велосипеды (по велообязательству) из В-Удинского отделения „Точмашбыта“ должны до 20/VI с. г. за получением выехать за свой счет в гор. В-Удинск. О согласовании этого вопроса обращаться лично к завед. Чит. Отд. „Точмашбыта“ т. Иванову.

9/VI—34 г.

Зав. депо Читинского отдела „Точмашбыта“ ИВАНОВ

Заметьте: организация, отсылающая своих клиентов за получением следующего за триста верст, включает в свое название слово «точный»...

Но если надо обращаться в другие города, мы предпочитаем тогда уж несколько увеличить расстояние и написать в Москву в «Крокодил». Может быть наше письмо приблизит место и срок выдачи читинцам велосипедов по обязательству?

П. КУЗИКОВ.

Чита.

Дорогой Крокодил!
Молочанская III очередная выставка наградила наш колхоз «Триумф» за за-

кладку суходольского огорода званием ударника и выслала соответствующую грамоту за «подлинно самоотверженное участие и проявленный энтузиазм» и т. д.

А между тем мы и не знаем о существовании суходольского огорода, за закладку которого нас премировали!

Ответь пожалуйста, дорогой Крокодил, чем вызвана эта высокая награда Выставкома?

Наш колхоз «Триумф», хотя и хорошо, в общем, работает, но пока прав на такие награды не заслужил.

Спрашивается: зачем огород городить, если и без того можно получить грамоту за закладку несуществующего огорода?

Слишком ретивый Выставком бросил грамоту не в тот огород!

П. С. ФАЛАЛЕЕВ.

Колхоз «Триумф», Днепрпетр. обл.
Молочанский р-н.

Дорогой Крокодил!

Говорят, наша страна вышла на первое место по распространению печати. Тяга к печатному слову у нас, действительно,

огромная. Поступающие газеты расхватываются, буквально, в несколько минут. Спрос, что и говорить, превышает предложение.

В Баку решили ослабить этот читательский пыл. При покупке центральных газет и журналов, киоскеры дают в нагрузку старые местные газеты. Вы покупаете журнал «Моды» за 8 рублей, а вам дают в придачу 20 экземпляров местных газет. Иначе журнала «Мод» вам не видать.

Лаврам Союзпечати завидует бакинская кооперация. Вы хотите купить банку с обувным кремом. Вас заставят купить еще... детскую соску.

— Хочешь чистить обувь, — соси.

Куда может привести такая политика принудительного ассортимента, сказать трудно. Завтра может случиться совершенно обратное: захочешь купить соску для ребенка, а тебе ее не подадут... без крема для обуви...

Укажи, пожалуйста, дорогой Крокодил, и Союзпечати и бакинской кооперации, что от принудительного ассортимента к принудительным работам всего один шаг. Может, хоть это заставит их немного остепениться и вернуться к честной советской торговле.

И. БЕНАШВИЛИ.

Баку.

ВДОХ И ВЫДОХ

(ПИСЬМО ИЗ КИСЛОВОДСКА)

Бедный Жора... как его все любят и как жалеют!

Мы не знаем его болезни, эта тайна вместе со скорбным листом скрыта от нас, но разве трудно догадаться? У него по утрам мешки под глазами. У него к ночи отекают ноги. У него губы синие...

По утрам, чуть только солнце, пробившись сквозь густую листву, прорывается к изголовью Жоры, уже стоит возле его кровати милая голубоглазая Анна Павловна.

— Как спали, Жора?

И сует ему термометр.

Днем после мертвого часа, чуть задремлет дежурная няня малиновым колокольчиком, Анна Павловна опять тут как тут. Сует термометр.

То же перед сном.

— Молока не хотите? Кефиру не хотите? Жора, что вы хотите?

— Спасибо, сестрица.

Соли Жоре нельзя, соль вызывает жажду. Надо много пить, а жидкость — нагрузка для сердца.

Салата с редиской тоже нельзя. Редиска усиливает аппетит, а кто много ест, тому хочется пить. Жидкость — нагрузка для сердца.

Ему запрещена утренняя зарядка.

— Па-а-дымайсь!

И хохочут, и бегут, и скачут вниз по ступенькам в парк навстречу радостному утру трусы и майки. Выбежали на линейку, воздух звонок; небо синее, солнце рукой подать.

— Ста-а-новись по группам! Пр-а-вняйсь!

Все замирает.

— Сделай раз, сделай два, сделай вдох, сделай выдох. Еще раз, еще раз. Сделай раз, сделай два...

Ах, утренняя зарядка! Кто смолоду не был молод, да и на старости лет кто добровольно отказался бы от этого счастья?

А Жоре вместо зарядки разрешается только легкой утренний моцион по боковой, короткой аллее. Шагов 200 туда и обратно. Ступил левой ногой — вдох, ступил правой — выдох.

Руками сильно не махать. Туловище прямо. Не спешить.

На нарзанные ванны все мы ходим, конечно, на своих. Жору — везут. Мы лежим в ванне десять минут, Жора — четыре, четыре с половиной.

Жаль парня.

Но вот окончился официальный медицинский день и начинаются будни.

Главврач ушел к себе составлять меню ужина. Палатный врач кинулся бегом в соседний санаторий: он совместительствует.

Физкультурник «сделал раз и сделал два» и поплелся к своей семье. Сестрица, простите, как раз сейчас переживает радость первых робких встреч...

Жора остался один.

И вот не допит вечерний чай, не доеден бисквит и бегом, семимильными скачками, с мячом на голове или на носках специальных волейбольных «буц» летит жизнерадостный златокудрый Жора на площадку.

— Ста-а-новись!

Жора — капитан нашей команды...

Если б вы знали, если б вы видели! Мастерам спорта в пору так играть. Жоринны «ласточки», Жоринны прыжки, Жорин «газ». Весь санаторий аплодирует ему.

И сколько раз даже сам Шпрейнгель, наш уважаемый главный врач, покончив с меню, любитесь сквозь ласковые очки на Жорину игру.

И шпарим мы с Жорой в волейбол ежедневно ровно два с половиной часа: с полпятого до семи, не сходя с места. И не только мы с Жорой, а

еще десять таких же сердечных больных.

«Сделай раз, сделай два, сделай вдох, сделай выдох...» Смешно, ей-богу.

И вот уже сыгрались мы, и, кажется, никому нас не победить. Завтра вызываем на соревнование санаторий «Саво». То-то будет день!

Позвольте... а сердце Жоринно? Сердце? Да... Насчет сердца действительно получилось не совсем по-

нятно. Но поди разберись нашему брату в медицине. Врачам виднее.

Мы знаем только, что завтра утром, едва солнце прорвется к Жоринному изголовью, возле появится милая голубоглазая Анна Павловна. С термометром.

— Жора, как вам спалось?

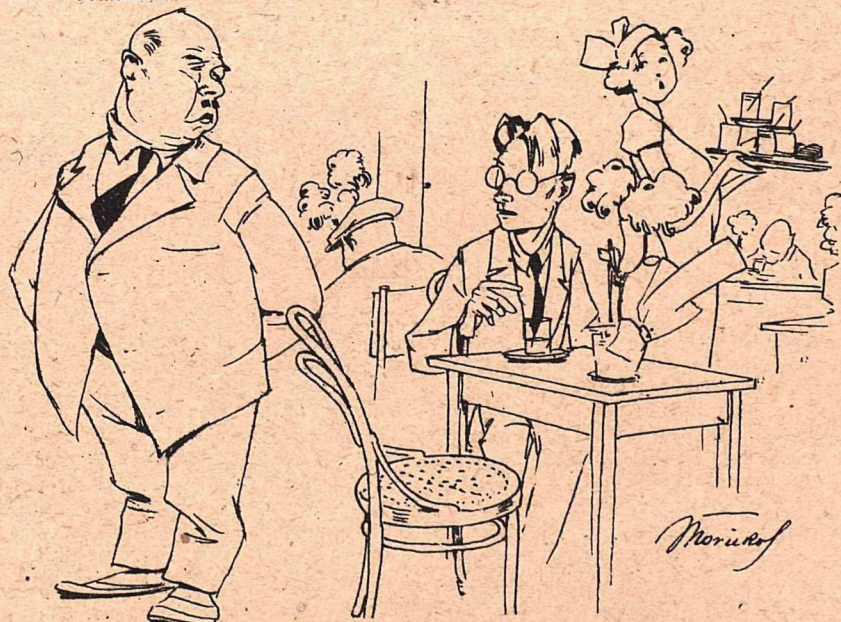
— Спасибо, сестрица...

А. АГРАНОВСКИЙ

Кисловодск.
Санаторий «Красные камни».

Рис. А. Топикова

ПОДВЕЛИ БАЗИС

— Нет ли журнала или газеты?

— Не держим как срывающие промфинплан нашего кафе посредством увеличения столикосидения за счет уменьшения чаеодиниц.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописен не возвращают

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“.

Москва. Изд. № 794.

Сдача текста и рисунков 9/VIII-34 г. Подпись к печати—20/VIII-34 г.

Статформат А9—220×333.

Печатных листов 2.

Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В—94804.

Филиал тип. газ. „Правда“, изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Сущевский вал, 49.

Зак. № 648.

Тираж 225.000

Федеральный И. Кузнецкого. Журнал избран и отпечатан в филиале типографии газ. „Правда“, Фотомеханик — П. Ивганов. Репродукция под руководством Г. Жемарьян и В. Крылова. Монтаж А. Федосеев. Запасной печати, отд. Дрозденко.

Рис. Бор. Ефимова

